

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'2

Баранов Анатолий Николаевич

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
<https://orcid.org/0000-0001-9318-0693>
baranov_anatoly@hotmail.com

Добровольский Дмитрий Олегович

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
<https://orcid.org/0000-0003-4531-6968>
dobrovol'skij@gmail.com

Дискурсивные практики в динамике системы русской фразеологии: на примере фразеологизмов-конструкций

Для цитирования: Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Дискурсивные практики в динамике системы русской фразеологии: на примере фразеологизмов-конструкций. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (3): 655–667.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.308>

В статье рассматривается частотное распределение ряда фразеологизмов-конструкций русского языка — *тот еще X, тоже мне X, где уж нам P, вот тебе и X/P и то ли дело X/P*. Под фразеологизмами-конструкциями понимаются выражения, в основе которых лежит схема с незаполненными валентностями, сама по себе обладающая лексическим значением, не сводимым к тропеическим преобразованиям. Эти схемы часто имеют устойчивые лексические части. В качестве материала использовался основной подкорпус Национального корпуса русского языка за период с XVIII в. по настоящее время, хотя основное внимание уделялось XIX, XX и XXI вв. Исследуемые фразеологизмы-конструкции интерпретируются нами как дискурсивные практики, то есть как принятые в данном языковом сообществе способы выражения некоторого смысла. Проведенный анализ показывает, что возникновение фразеологизмов-конструкций в дискурсе сопровождается ощутимым повышением частоты их употребления, которое в дальнейшем несколько снижается по мере усвоения соответствующего выражения как дискурсивной практики. Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что частотное распределение фразеологизмов-конструкций плохо предсказуемо. При этом

можно выделить основные типы распределения: возрастание частоты употребления, снижение частоты употребления и относительно стабильное распределение. Первый тип распределения демонстрируют, например, фразеологизмы-конструкции *тогда еще X* и *тоже мне X*, второй тип — конструкция *где уж нам P*, а третий тип — выражение *вот тебе и X/P*. Не все частотные распределения фразеологизмов-конструкций структурированы. Многие из фразеологизмов этого класса характеризуются беспорядочным, то есть энтропийным распределением. Примером может служить выражение *то ли дело X/P*.

Ключевые слова: русская фразеология, фразеологизм-конструкция, дискурсивная практика, динамика развития фразеологии, корпусный подход.

Изучение русской фразеологии XIX в. и динамики развития фразеологической системы с XIX по XXI в. представляет значительный интерес как фундаментальная задача научного описания русского языка. В настоящей статье мы рассмотрим лишь один из аспектов динамики русской фразеологии, а именно варианты частотного распределения фразеологизмов-конструкций (одного из классов фразеологических единиц) в исторической перспективе.

Употребление фразеологизмов естественно рассматривать как определенный тип дискурсивных практик. Под дискурсивной практикой мы понимаем тенденцию в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного смысла, проявляющуюся в конкретном дискурсе в частоте употребления соответствующих феноменов фонетического, морфологического, синтаксического, лексического и семантического уровней [Баранов 2000: 246]. На уровне фразеологии речь идет о предпочтении квазисинонимичных выражений, ср., например: *бежать сломя голову* vs *бежать как угорелый*; *заложить за воротник* vs *принять на грудь*; *где уж нам по парижам ездить* vs *рылом не выжили по парижам ездить*. Эти предпочтения могут касаться не только конкуренции между фразеологизмами одного семантического поля, но и между фразеологизмами и словами.

Еще одна важная категория, которая существенна для дальнейшего изложения, — это понятие фразеологизма-конструкции. Фразеологизмы-конструкции — это выражения, в основе которых лежит схема с незаполненными валентностями, сама по себе обладающая лексическим значением, не сводимым к тропеическим преобразованиям. Эти схемы часто имеют устойчивые лексические части [Баранов, Добровольский 2024: 181]. Идиоматичность конструкций связана не с образом, как в случае с идиомами, а со специфической и нерегулярной семантикой, присущей лежащей в их основе схеме. По своим особенностям фразеологизмы-конструкции преимущественно относятся к разговорному языку. К фразеологизмам-конструкциям относятся, например, словосочетания *тоже мне X*, *где уж нам P*, *вот тебе и X/P*, *больно нужно P*.

Фразеологизмы-конструкции образуют особый класс фразеологической системы, существенно отличаясь, в частности, от центральной части фразеологии — идиом. Прототипические идиомы по сравнению с фразеологизмами-конструкциями в большей степени допускают изменение по грамматическим категориям. Кроме того, прототипические идиомы имеют образную составляющую, а фразеологизмы-конструкции — нет. Иными словами, фразеологичность фразеологизмов-конструкций достигается не за счет образности, а за счет устойчивости. Как и в идиомах, идиоматичность во фразеологизмах-конструкциях проявляется в не-

регулярности вывода актуального значения (в других терминах — некомпозиционности), однако нерегулярность в случае фразеологизмов-конструкций имеет иную природу.

Хотя фразеологизмы-конструкции представляют собой новую категорию в теории фразеологии, единицы этого класса уже исследовались в русистике. Этот нетривиальный языковой материал привлекал внимание ученых уже в конце 1950-х гг., однако из-за некоторой периферийности для своего времени не получил в дальнейшем должного развития. К исследованиям такого рода принадлежит абсолютно уникальная монография Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» [Шведова 1960]. В ней рассматривается широкий круг устойчивых словосочетаний различной степени идиоматичности, а также выражений, регулярно создаваемых по тем или иным синтаксико-лексическим моделям. Близкие феномены рассматриваются, в частности, в работах [Шмелев 1977; Mel'čuk 1995; Иомдин 2006; Копотев 2008; Копотев, Стексова 2016]. Значительная часть исследований в области грамматики конструкций концентрируется на речевых формах, сходных с обсуждаемыми; ср.: [Fillmore 1990].

Очевидно, что фразеологизмы-конструкции представляют собой альтернативный способ выражения определенного смысла, что позволяет рассматривать их как дискурсивную практику. Ср.: *Тот еще ученый — Не истинный ученый; Где уж нам это понять — Мы не в состоянии это понять; Другого ТВ у нас для вас нет — Телевидение у нас только такое; Суп как суп — Нормальный суп; Тоже мне банкет — Настоящий банкет*. Вторые части приведенных пар выражений передают похожий смысл неидиоматичным способом.

Как уже отмечалось выше, цель нашего исследования состоит в определении динамики частотного распределения фразеологизмов-конструкций. Можно себе представить три основных типа распределения, которые могут комбинироваться:

- равномерное распределение;
- нарастание частоты употребления;
- снижение частоты употребления.

С точки зрения функционирования в дискурсе в первом случае дискурсивная практика оказывается устойчивой, во втором — утверждается как таковая, а в третьем — маргинализуется, если не исчезает совсем.

Рассмотрим частоту встречаемости в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) пяти фразеологизмов-конструкций: *тот еще X*, *тоже мне X*, *где уж нам P*, *вот тебе и X/P* и *то ли дело X/P*.

Конструкция *тот еще X* в сочетании с именами негативной семантики усугубляет негативную оценку, ср. *тот еще мерзавец*, *та еще хамка*, а в сочетании с именами нейтральной семантики указывает на несоответствие объекта образцу: *тот еще писатель*, *те еще друзья*, *те еще концерты*, *та еще путешественница*. В рассматриваемом случае способ передачи актуального значения состоит в указании на некоторое множество объектов, которые интерпретируются как плохие или несоответствующие эталону¹.

Корпусный эксперимент по поиску словосочетания *тот еще* показывает распределение, не имеющее ярко выраженных особенностей, за исключением отчетливого пика в конце XVIII — начале XIX в. (см. рис. 1).

¹ Иная интерпретация семантики этого выражения представлена в работе [Норман 2019].

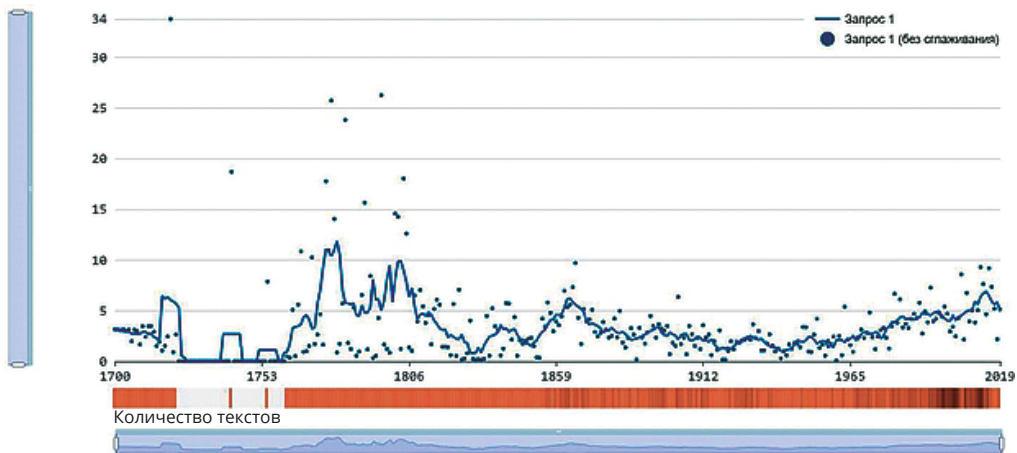

Рис. 1. Частотное распределение выражения *tot еще*

Визуально определяемый пик в конце XVIII — начале XIX в., судя по всему, связан с недостаточной репрезентативностью корпуса в данном промежутке времени. Кроме всего прочего, форме *tot еще* присуща разветвленная омонимия, ср.:

- (1) У меня стыд делал большой перевес, тягость на его стороне была легче, а кто страдает без поношения, **тот еще** весьма благополучен (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. Часть 4. 1791–1798 (1791–1822)).

Можно попытаться снизить омонимию, введя ограничение на сочетаемость. На рис. 2 показано частотное распределение сочетания «*tot еще* + существительное».

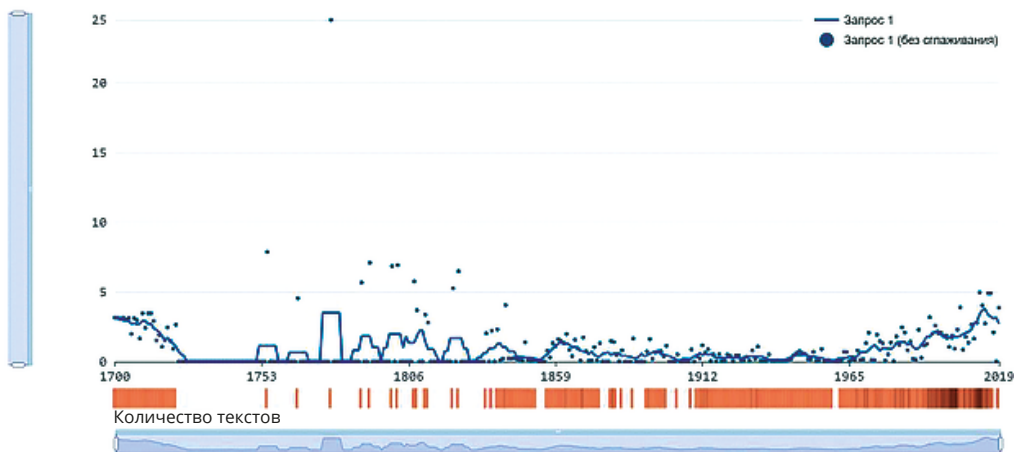

Рис. 2. Частотное распределение сочетания «*tot еще* + существительное»

По корпусным данным выражение *тот еще X* в значении фразеологизма-конструкции начинает употребляться с 1960 гг.² Ср. одно из первых употреблений в основном корпусе НКРЯ:

- (2) Все провернули в невероятно короткий срок — в две недели. Работка была «**та еще**», как говорит Великий Электромонтер Сявый, которого, кстати, нам разыскал Костя. Будь здоров была работка! (Михаил Анчаров. Теория невероятности (1965)).

Кавычки указывают на недостаточную освоенность фразеологизм-конструкция *тот еще* как дискурсивной практики.

По полученным данным хорошо видно, что до 1960-х гг. выражение *тот еще X* используется не как конструкция (даже в сочетании с существительным), ср.:

- (3) На сия Христос, аз, глаголет, Отец твой: и абие откры ему язвы ручныя и ножныя и пребоденныя ребра, из язв **тех еще кровь** текла (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди (1700–1722)).
- (4) Онъ славенъ былъ и въ **то еще время**, когда Митридатовы флоты покрывали Черное море (Иван Голиков. Историческое изображение жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женева, Франца Яковлевича (Франциска Якова) Лефорта (1800)).
- (5) — Так ты, следовательно, честный человек? — Отчего ж не честный-то, сударь: я у вас, Прохор Васильич, ничего не украл. — Да отчего ж это, Конон, воры не любят, чтоб их называли ворами? Да **тот еще вор**, кто не спросяся чужое берет; а я всегда спрашивался у своего хозяина (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)).
- (6) Присутствующие засмеялись, поняли как шутку вспышку юноши, но **тот еще раз** и настойчиво повторил угрозу Зевсом (К. С. Петров-Водкин. Моя повесть. Ч. 2. Пространство Эвклида (1932)).
- (7) Даша была в **том еще возрасте**, когда видят и слышат плохо: слух оглушен шумом крови, а глаза повсюду, — будь даже это человеческое лицо, — видят, как в зеркале, только свое изображение (А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Книга первая. Сестры (1922)).
- (8) Мысль о том, что здесь должен быть парк, возникла среди старых комсомольцев — **тех еще поколений**, что помнили «бешеного барина», поселок Ярманкин, первую немецкую оккупацию и гражданскую войну (А. А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)).
- (9) — Итак, я сочинитель... хотя и со чрезмерной пристальностью, попрекают, в том единственном смысле, что о потайных корнях человека любопытствую, об отходах истории и о **тех еще сокровищах**, что хранятся не в показных витринах, а в потаенных запасниках культуры (Л. М. Леонов. Вор. Ч. 1–2 (1927, 1959)).

² В литературе представлено и другое мнение. Согласно исследованию [Левонтина 2016: 162], это выражение возникло в послереволюционную эпоху: «Действительно, в дореволюционных текстах такого не попадается. Если вдуматься, в общем, даже понятно, откуда это взялось. После 1917 г. жизнь раскололась на “до” и “после”, причем само упоминание о “до” стало рискованным: А ваши кто родители? Чем вы занимались до семнадцатого года? Ну и далее по тексту. Поэтому совершенно естественно распространение выражений типа из *бывших* или — как в нашем случае — *тот еще*, в смысле “дореволюционный, из прошлой жизни”». Однако эта сама по себе небезынтересная гипотеза не поддерживается корпусными данными.

В XXI в. фразеологизм-конструкция *тот еще X* уже формируется как дискурсивная практика разговорного русского языка. Пик употреблений этого выражения как конструкции приходится на 2013–2014 гг. Ср. характерные примеры:

- (10) [nataniel (жен)] Героиня **та еще психопатка**, и потому финал, с моей точки зрения, совершенно нелогичен (Отель «Гранд Будапешт» (23.03.2014)).
- (11) Да и Петрушка, как известно, **тот еще охальник** (М. Б. Бару. Замок с музыкой // «Волга», 2013).
- (12) Всяк сверчок знай свой шесток. Девчонка была **тот еще подарочек** (Анна Китаева. Белый танец (2014)).
- (13) У них там зам по производству, с кондитерской фамилией, — **тот еще хмырь...** (М. Е. Окунь. Колечки (2014) // «Волга», 2015).
- (14) Советская власть сначала упорно втаптывала их в чернозем, вместе с верой, надеждой и любовью, а потом — в виде компенсации? — наскоро слепила избыточно колхозную картинку под симпатичные песни Исаковского — Дунаевского (**тех еще казаков**) (Дмитрий Орешкин. Самозащитники Отечества // «Огонек», 2013).
- (15) Пистолета не было. Падая, выронил его, **тот еще боец!** (Владимир Маканин. Кавказский пленный (1995)).

В примерах (10)–(13) реализуется значение усиления негативной характеристики, а в (14) и (15) — значение несоответствия образцу. Рассмотренное выражение представляет собой характерный пример возникновения фразеологизма-конструкции. В качестве основы такой конструкции язык использует строевые слова: указательное местоимение и частицу. В результате конструкция приобретает характерные признаки фразеологизма данного класса: отсутствие образности и единое, априори непредсказуемое, лексическое значение. Особенный интерес представляет то, что рассматриваемое выражение возникло на глазах авторов, освоивших эту форму в своей речевой практике во второй половине XX в.

Более характерный пример возрастания частотности употребления демонстрирует фразеологизм-конструкция *тоже мне X*. Частотное распределение этой формы, взятой без ограничений, не показывает сколь-нибудь очевидного возрастания. Это связано с тем, что исходно форма *тоже мне* представляет собой сочетание частицы с местоимением, в котором реализуются прямые значения составляющих лексем. Ср. такое употребление у Достоевского:

- (16) Свидания у них пошли... А ведь она **тоже мне** намекала. По многим ее словам... и словечкам... и намекам, все это выходит именно так! (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Возникновение фразеологизма-конструкции из словосочетания с буквальной семантикой происходит на более позднем этапе развития языка, что хорошо видно по результатам поиска формы *тоже мне* с ограничением (*тоже мне* + существительное).

На приведенном графике (рис. 3) хорошо видно, что в середине 1920-х гг. возникают употребления фразеологизма-конструкции *тоже мне X*. В этот период это еще не дискурсивная практика. Однако данное выражение осваивается носителями языка и с конца 1940-х гг. начинает интенсивно употребляться.

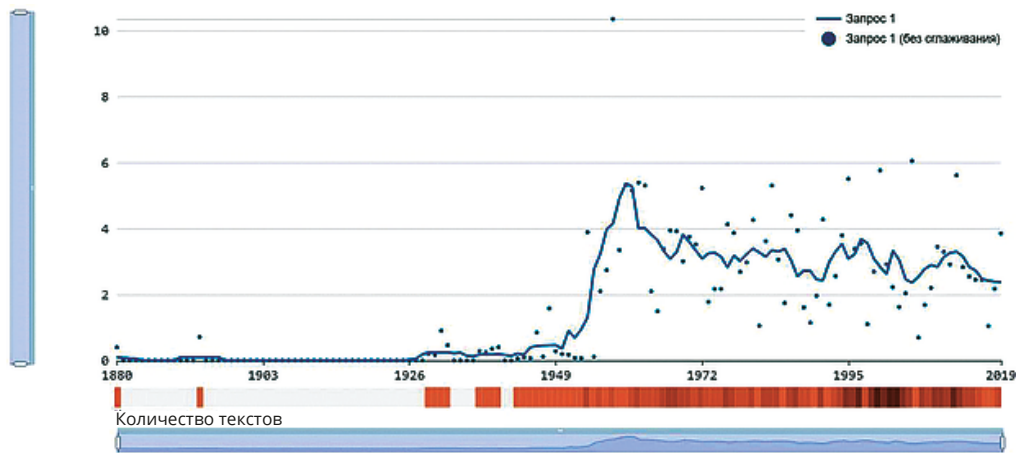

Рис. 3. Частотное распределение сочетания «тоже мне + существительное»³

- (17) — Ничего с вашей чертопхайкой не сделается! — сердито пробормотал старик. — **Тоже мне** капитаны! Вам в Лоеве грушами торговать, а не пароходы водить по Днепру! (К. Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы (1946)).
- (18) Его подручный, лаборант Саша Заславский, сказал: — Третий раз у них пробивается конденсатор... Может, надо чего-нибудь в схеме переделать? — «Чего-нибудь», — передразнил его Морозов, — **тоже мне** мыслитель. Они заспорили. Кривицкий молчал. — Прошу прощения, — вдруг обратился к ним Лобанов (Даниил Гранин. Искатели (1954)).
- (19) Все это как будто давно готовое бурлило у меня внутри и вдруг вылилось наружу от слов журналиста: «мы с женой читали вечером и смеялись». Столько самодовольства в этом «мы с женой»! Сотрудник «Литературной газеты» — **тоже мне** — ценитель поэзии! (Л. К. Чуковская. Спуск под воду (1949–1957)).

Как и во многих других случаях, выражение, став дискурсивной практикой, несколько теряет частоту употребления, выходя на относительное плато устойчивости. Стабилизация частоты происходит на уровне 1970-х гг.

Совсем иное развитие обнаруживает конструкция *где уж нам Р*. Во-первых, она, по данным НКРЯ, не обнаруживает омонимии. Действительно, по грамматической форме это риторический вопрос, в котором частица *уж* модифицирует смысл вопроса таким образом, что он не имеет нериторического прочтения. Без частицы *уж* соответствующее выражение вполне употребительно как обычный вопрос: *Где нам раздеться? Где нам найти кипятка?* В самом общем смысле частица *уж* передает семантику соответствия ожиданиям говорящего о невозможности чего-либо. В этом случае появление этой частицы в составе вопроса превращает его в риторический, не допускающий ответа [Добровольский, Зализняк 2022: 112–113].

³ По данным НКРЯ, в короткий период 1880–1890-х гг. обнаруживаются употребления сочетания «тоже мне + существительное», которые, однако, не являются примерами использования обсуждаемой конструкции: *Даю когда соломы, семян... **Тоже мне, брат,** воспевают... Надо мной тоже надсмотрщики есть...* (Н. Н. Златовратский. Горь старого Кабана (1880)); *Про тебя **тоже мне Дронов** сказывал — отличился ты у Яра* (В. И. Немирович-Данченко. Сластеновские миллионы (1893)).

Этот фразеологизм-конструкция с течением времени снижает свою частотность. Ср. примеры употребления *где уж нам Р* в текстах XIX в.:

- (20) Раз попробовала, да что-то не понимаю... **где уж нам** ученостью заниматься (А. Н. Плещеев. Пашинцев (1859)).
- (21) «Не бывать войне, какая война, **где уж нам** воевать: просто военная прогулка и маневры, с тратой сотен миллионов, для поддержания чести» (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)).

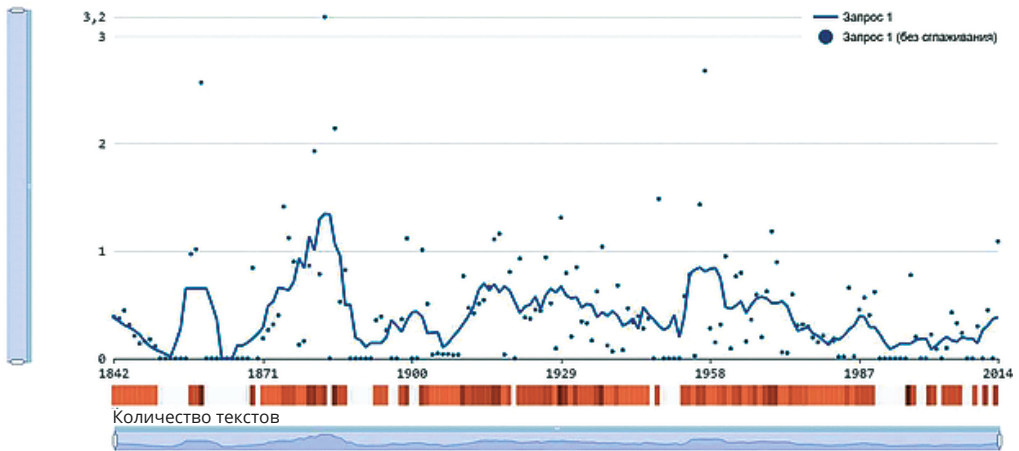

Рис. 4. Частотное распределение словосочетания *где уж нам*

Из приведенного графика (рис. 4) хорошо видно, что пик употребления конструкции *где уж нам* приходится на конец XIX в. После некоторого снижения к началу XX в. частота употребления относительно стабилизируется до 1980-х гг. В дальнейшем происходит спад употреблений, хотя рассматриваемое выражение и не выходит из употребления совсем. Ср. примеры XXI в.:

- (22) **Где уж нам**, отсталой провинции, говорим мы себе, подразумевая, что следует знать свое место и не соваться, куда не следует (Игорь Сенин. Провинция, столица, заграница... (Записки провинциала) // «Менестрель», 2014).
- (23) **Где уж нам** конкурировать с ведущими авиастроительными фирмами мира! (Блеск и нищета российского авиапрома (2004) // «Вестник авиации и космонавтики», 30.06.2004).

Другое распределение демонстрирует фразеологизм-конструкция *вот тебе и X/P*. В отличие от ранее рассмотренных форм, она сохраняет относительную стабильность употреблений (см. рис. 5).

В начале XIX в., судя по графику, эта конструкция была малоупотребительна, однако к середине XIX в. она получает распространение как дискурсивная практика. В последующем частота стабилизируется на несколько более низком уровне, сохраняясь до нашего времени. Не исключено, что незначительное снижение частоты употребления к началу XXI в. объясняется недостаточной репрезентативностью в основном корпусе НКРЯ текстов, относящихся к последнему десятилетию.

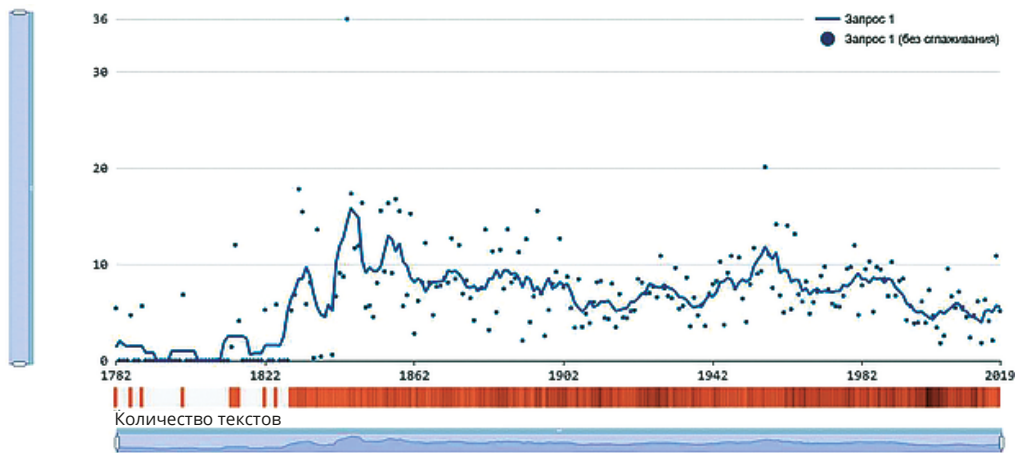

Рис. 5. Частотное распределение словосочетания *вот тебе и*

Отметим, что фразеологизм-конструкция *вот тебе и X/P* присутствует в русском языке и в XVIII в. Ср. пример из Е. Р. Дашковой:

- (24) — Он прежде посидит в русской тюрьме, так **вот тебе и** а Пари (Е. Р. Дашкова. Тоисиоков. Комедия в пяти действиях (1786)).

В XIX в. эта конструкция широко употреблялась:

- (25) «Палки да деньги; деньги да палки — и при этом ворочай, как душе угодно: переменяй, пиши, болтай, складывай и раскладывай, а палки, деньги да палки — **вот тебе и** вечная конституция» (И. М. Муравьев-Апостол. Письма из Москвы в Нижний Новгород (1813–1815)).
- (26) Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: «**Вот тебе и** государев кум!» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)).
- (27) Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки — **вот тебе и** доигрался! (Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)).
- (28) — Скажите, пожалуйста: эти добродетельные, мудрые старцы — шпионы, картежники, пьяницы! Кто бы это подумал! — Да, у них есть что-то вроде карт, — сказал он, — даже нищие и те играют как-то стружками или щепками и проигрываются дотла. — **Вот тебе и** идиллия, и золотой век, и Одиссея! (И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)).

Хотя, как было уже отмечено выше, частота употребления этой конструкции к началу XXI в. падает, она сохраняется и представлена в дискурсе конца XX — начала XXI в.:

- (29) — Вот какие чудеса творились у нас за спиной. **Вот тебе и** наша бдительность! (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, ч. 4 (1978)).
- (30) Успеем, говорит... **Вот тебе и** успели: шестой (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001).

В работе [Баранов, Добровольский 2024] было отмечено, что на основе фразеологизмов-конструкций возникают идиомы, которые часто теряют непосредственную семантическую связь с исходным выражением. В данном случае фразеологизму-конструкции *вот тебе и X/P* можно сопоставить идиомы *вот тебе и раз* и *вот тебе и на*. Данные корпуса показывают, однако, что они представлены в дискурсе практически в одни и те же периоды времени, ср.:

- (31) — **Вот тебе и на!** в чужой земле, никого не зная, без денег, без рекомендаций! (В.Т.Нарежный. Российский Жилбляз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)).
- (32) — У вас все шутки, Нил Павлович! Ну, вот как я вошел, подруга ее приказывала капитану распустить ее шнуровку!.. — **Вот тебе и раз!** — с ужасом вскричал лейтенант. — Распустить шнуровку! (А.А.Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда» (1833)).

Иными словами, отношение производности носит в данном случае иной характер. Здесь можно говорить о производности структурной и/или семантической, а не диахронической.

Рассмотренные типы распределения частоты употребления фразеологизмов-конструкций можно считать наиболее простыми — вероятно, демонстрирующими действие каких-то пока неочевидных факторов, которые вносят элементы порядка в хаос реального употребления. Куда более типичны непредсказуемые распределения, представленные, например, во фразеологизме-конструкции *то ли дело X/P* (см. рис. 6).

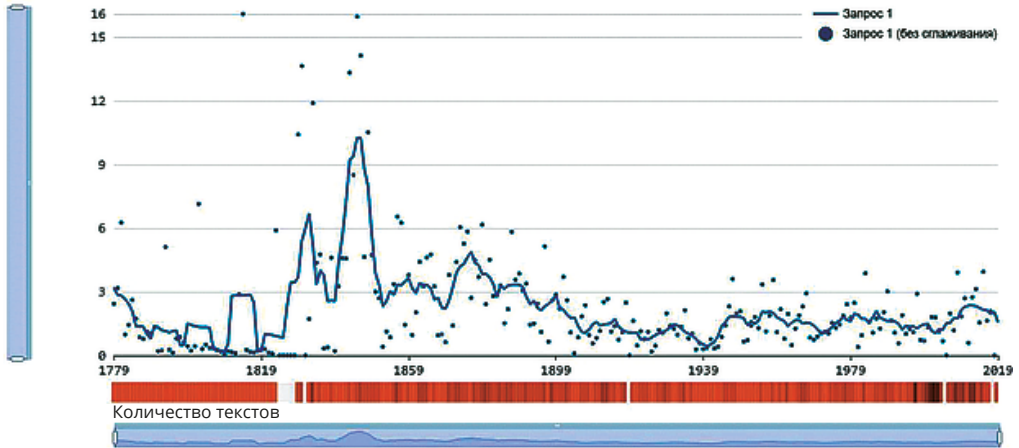

Рис. 6. Частотное распределение словосочетания *то ли дело*

Отметим, что представительность корпуса по временной шкале в какой-то мере влияет на точки экстремумов (пики и падения) частоты распределения употреблений рассматриваемой конструкции. Наивысший пик приходится примерно на середину XIX в., когда корпус, вероятно, за счет произведений русской классической литературы оказывается очень полным, а одно из существенных падений — на 1939 г.

Приведем некоторые характерные примеры употребления фразеологизма-конструкции *то ли дело X/P*:

- (33) **То ли дело** часовой, который отрывисто бросает с руки на руку ружье — вот слава прямая и сияние венца (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. Ч. 4. 1791–1798 (1791–1822)).
- (34) **То ли дело** рюмка рома, / Ночью сон, поутру чай; / **То ли дело**, братцы, дома!.. / Ну, пошел же, погоняй!.. (А. С. Пушкин. Дорожные жалобы (1830)).
- (35) Немочка — и все тут. Вот **то ли дело** польки! Как мы в Белоруссии стояли, так я на них нагляделся: нечего сказать — женщины! (В. А. Соллогуб. Аптекарьша (1841)).
- (36) **То ли дело** сидеть себе дома, пообедать в приятном обществе и, закулив отличную сигару, беседовать «разумно» с приятелями о предметах, вызывающих на размышление, — хоть бы о том, как трудны бывают обязанности следователя! (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857)).
- (37) Она честила их архаровцами и хулиганями, называла их лекции похабщиной, **то ли дело** нарком Луначарский! (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 1 (1964)).

* * *

Анализ рассмотренного материала убедительно показывает, что речевые особенности поведения фразеологизмов-конструкций трудно поддаются объяснению. Однако некоторые выводы можно сделать. В момент появления фразеологизма-конструкции в дискурсе часто наблюдается всплеск употреблений, связанных с освоением этого выражения как дискурсивной практики. Возникает то, что можно было бы назвать модой на употребление этого выражения (см. по этому поводу издание [Мода в языке]). В последующем частота может стабилизироваться как результат освоения новой дискурсивной практики и привыкания к ней носителей языка. Это нельзя рассматривать как универсальное правило, однако такая тенденция выявляется.

К структурированным, упорядоченным схемам распределения частотности можно отнести случаи, когда фразеологизмы-конструкции постепенно повышают свою дискурсивную активность (как конструкции *тот еще X* и *тоже мне X*), другие — снижают употребительность (*где уж нам P*), а третьи — сохраняют относительную стабильность в употреблении (*вот тебе и X/P*). Не следует думать, что все частотные распределения фразеологизмов-конструкций структурированы. Многие из фразеологизмов этого класса характеризуются беспорядочным, то есть энтропийным распределением. Примером может служить выражение *то ли дело X/P*.

В целом предсказать частотное распределение фразеологизмов-конструкций как дискурсивных практик не представляется возможным.

Литература

- Баранов 2000 — Баранов А. Н. *Введение в прикладную лингвистику*. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
Баранов, Добровольский 2024 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Очерки общей и русской фразеологии*. М.: ЯСК, 2024.

- Добровольский, Зализняк 2022 — Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. О понятии риторического вопроса. In: *Wiener Slawistischer Almanach*. Linguistische Reihe, Sbd 101: Lifetime linguistic inspirations. To Igor Melčuk from colleagues and friends for his 90th birthday. Iomdin L., Miličević J., Polguère A. (eds). Berlin: Peter Lang, 2022. P. 139–146.
- Иомдин 2006 — Иомдин Л. Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог-2006»*. М., 2006. С. 216–222.
- Копотев 2008 — Копотев М. В. *Принципы синтаксической идиоматизации*. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008.
- Копотев, Стексова 2016 — Копотев М. В., Стексова Т. И. *Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре*. М.: ЯСК, 2016.
- Левонтина 2016 — Левонтина И. Б. *Русский со словарем*. М.: АСТ: Corpus, 2016.
- Мода в языке — *Мода в языке и коммуникации*. Федорова Л. Л. (отв. ред.). М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2014.
- Норман 2019 — Норман Б. Ю. К выражению функции Magn в русской разговорной речи (высказывания типа «Тот еще студент!»). *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2019, (XX): 179–188.
- Шведова 1960 — Шведова Н. Ю. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
- Шмелев 1977 — Шмелев Д. Н. *Современный русский язык. Лексика*. М.: Просвещение, 1977.
- Fillmore 1990 — Fillmore Ch. J. *Construction grammar. Course reader for linguistics 120* A. Berkeley: University of California, 1990.
- Melčuk 1995 — Melčuk I. A. Un affixe derivationnel et un phraseme syntaxique du russe moderne. *Русский язык в модели «Смысл — Текст»*. Vienna; Moscow: Wiener Slawistischer Almanach, Языки русской культуры, 1995. С. 325–346.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2023 г.

Статья рекомендована к печати 14 мая 2024 г.

Anatoly N. Baranov

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2, ul. Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9318-0693>
baranov_anatoly@hotmail.com

Dmitrij O. Dobrovol'skij

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2, ul. Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4531-6968>
dobrovol'skij@gmail.com

Discursive practices in the dynamics of the system of Russian phraseology: A case of constructional phrasemes

For citation: Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Discursive practices in the dynamics of the system of Russian phraseology: A case of constructional phrasemes. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (3): 655–667. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.308> (In Russian)

The article examines the frequency distribution of a series of Russian constructional phrasemes — *tot esche X* (\approx something of an X), *tozhe mne X* (\approx hardly an X), *gde uzh nam P* (\approx how could we P), *vot tebe i X/P* (\approx how do you like it, X/P), and *to li delo X/P* (\approx take X/P, isn't it fine). We define constructional phrasemes as expressions that are based on a scheme with empty valences, which in itself has a lexical meaning that does not result from metaphorical or met-

onymical transformations. These schemes often have stable lexical parts. The main subcorpus of the Russian National Corpus spanning from the 18th century to the present was used as the material, although primary attention was given to the 19th, 20th, and 21st centuries. We interpret the examined constructional phrasemes as discursive practices, i. e. as conventional ways of expressing a certain meaning within a given language community. The analysis shows that the emergence of these constructional phrasemes in discourse is accompanied by a noticeable increase in their frequency of use, which then gradually decreases as the expression becomes assimilated as a discursive practice. The analyzed data allow us to conclude that the frequency distribution of constructional phrasemes is poorly predictable. However, it is possible to identify main types of distribution: increasing frequency of use, decreasing frequency of use, and relatively stable distribution. The first type of frequency distribution is exemplified by the constructional phrasemes *tot esche X* and *tozhe mne X*, the second type by *gde uzhe nam P*, and the third type by *vot tebe i X/P*. Not all frequency distributions of constructional phrasemes show clear quantitative trends; cf. *to li delo X/P*.

Keywords: Russian phraseology, constructional phraseme, discursive practice, dynamics of phraseology development, corpus-based approach.

References

- Баранов 2000 — Baranov A. N. *Introduction to applied linguistics*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2000. (In Russian)
- Баранов, Добровольский 2024 — Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Essays on general and Russian phraseology*. Moscow: IaSK Publ., 2024. (In Russian)
- Добровольский, Зализняк 2022 — Dobrovol'skij D. O., Zalizniak Anna A. On the concept of a rhetorical question. *Wiener Slawistischer Almanach*. Linguistische Reihe, Sbd 101: Lifetime linguistic inspirations. To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday. Iomdin L., Milićević J., Polguère A. (eds). Berlin: Peter Lang Publ., 2022. P. 139–146. (In Russian)
- Иомдин 2006 — Iomdin L. L. Polysemous syntactic phrasemes: between vocabulary and syntax. In: *Komp'juternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog-2006"*. Moscow, 2006. (In Russian)
- Копотев 2008 — Kopotev M. V. *Principles of syntactic idiomatization*. Helsinki: Helsinki University Press Publ., 2008. (In Russian)
- Копотев, Стексова 2016 — Kopotev M. V., Steksova T. I. *Exception as a rule. Transitional units in grammar and dictionary*. Moscow: IaSK Publ., 2016. (In Russian)
- Левонтина 2016 — Levontina I. B. *Russian with a dictionary*. Moscow: AST Publ., Corpus Publ., 2016. (In Russian)
- Мода в языке 2014 — *Fashion in language and communication*. Fedorova L. L. (ed.). Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2014. (In Russian)
- Норман 2019 — Norman B. Yu. On the expression of the Magn function in Russian colloquial speech (statements like "He's still a student!"). *Trudy Instituta russlogo iazyka imeni V. V. Vinogradova*. 2019, (XX): 179–188. (In Russian)
- Шведова 1960 — Shvedova N. Iu. *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1960. (In Russian)
- Шмелев 1977 — Shmelev D. N. *Modern Russian language. Vocabulary*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1977. (In Russian)
- Fillmore 1990 — Fillmore Ch. J. *Construction grammar. Course reader for linguistics 120*. A. Berkeley: University of California, 1990.
- Mel'čuk 1995 — Mel'čuk I. A. Un affixe derivationnel et un phraseme syntaxique du russe moderne. *Russkii iazyk v modeli "Smysl-Tekst"*. Vienna; Moscow: Wiener Slawistischer Almanach, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1995. P. 325–346.

Received: December 20, 2023

Accepted: May 14, 2024